

Иценко А. С.

А се оставилъ Володимеръ Всеволодичъ...»: законодательная деятельность Владимира Мономаха в русской общественно-исторической мысли

Владимир Всеволодович Мономах – знаковая фигура русской средневековой истории, не требующая особой презентации. Он вошёл в историческую память не только как борец с половцами и внутренними межкняжескими распрями, но и как законодатель, дополнивший Русскую Правду новыми законоположениями.

Заняв после смерти Святополка по призыву киевлян великокняжеский стол, он, как сообщает Пространная редакция Русской Правды (вошедший в её состав «Уставъ Володимеръ Всеволодича»), «созва дружину свою на Берестовемь: Ратибора Киевского тысячьского, Прокопью Белгородьского тысячьского, Станислава Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа, и уставили до третьяго реза, оже емлетъ в треть куны; аже кто возьметъ два реза, то то ему взяти исто, паки ли возьметъ три резы, то иста ему не взяти»¹.

Выражаясь современным языком, данные нормы были призваны урегулировать порядок погашения процентов по кредитам. Однако их интерпретация имеет в исторической литературе значительные расхождения. Обсуждается и точный объём законодательства Владимира Мономаха, и даже вопрос о времени принятия его «Устава»: был ли он издан до прибытия князя в Киев, в самом начале его правления, несколько позднее – до 1115 г. (года смерти князя Олега Святославича, боярин которого Иванко Чудинович назван в тексте) или же, напротив, после этой даты². Главные вопросы в истории памятника остаются, таким образом, дискуссионными.

М.Н. Тихомиров в своё время писал, что «законодательство Владимира Мономаха производило большое впечатление на современников»³. Однако так это или нет, на самом деле сказать трудно. Своё заключение историк подкреплял ссылкой на замечание Б.Д. Грекова о том, что «сам Мономах ставил себе в заслугу в своём поучении, что он “и худого смерда и убогие вдовице не далъ сильным

¹ Как и в большинстве работ о Пространной Правде, здесь цитируется наиболее исправный Троицкий I список (вторая половина XIV в.). Нумерация статей даётся по академическому изданию: Правда Русская / Под общей редакцией Б.Д. Грекова. Т. 1: Тексты. М.; Л., 1940. С. 110. В данном случае – это статья 53. Текст цитируется по другому изданию АН СССР: Правда Русская. Учебное пособие / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.; Л., 1940. С. 24. В основе этой публикации лежит всё тот же текст I тома академического издания 1940 г., но тексты приводятся в упрощённой транскрипции.

² Обзор основных мнений о времени издания «Устава» Владимира Мономаха см.: Сverdlov M.B. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 133–134.

³ Тихомиров М.Н. Исследование о русской правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 211.

обидети»⁴. В ещё более чёткой и даже «панегирической» форме роль Владимира Мономаха как законодателя была выражена, по мнению Тихомирова, в послании митрополита Никифора (1104–1121 гг.), помещённом в Мериле Праведном⁵. В нём делается следующее обращение к князю: «тобе мудраго нашего кормьчию благочестиваго князя...⁶, заступника воистину въстави, оустраивающа словеса на суде, хранящего истину в веки, творяща судъ и правду по среде земля, его же м[у]др[ос]ть порожьшии съблюдыши, добре добродетелми въспита и оукраси законоположении, аки некими стенами чудными свое стадо крестьянское огради и камень твердости в основу вложи...»⁷. Прямая ссылка на «законоположения», как полагал историк, может быть «сопоставлена с уставом Владимира, сохранённым в Пространной Правде». Возможность такого сопоставления вызывает, однако, сомнения. Мы не можем быть точно уверены, что данное послание было обращено к Владимиру Мономаху, а его автором был киевский митрополит Никифор I⁸. Не может свидетельствовать о впечатлении, которое

⁴ Там же. Ср.: Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 497.

⁵ Следует заметить, что такая атрибуция данного послания, помещённого в самом начале первой части Мерила Праведного, принадлежит М.Н. Тихомирову. В самом тексте ни его адресат, ни автор не указаны. Имя князя, выскобленное в древнейшем Троицком списке XIV в., по одному из других списков предположительно восстанавливается как Владимир, под которым «трудно понимать какое-либо другое лицо, кроме Владимира Мономаха». Этот свой вывод историк подтверждал и содержанием самого послания, слова которого «особенно приложимы к ранним русским князьям, ещё в недалёком прошлом христианизированной Руси» (см.: Тихомиров М.Н. Исследование о русской правде. С. 92). О том же, что автором послания был митрополит Никифор, свидетельствует, по мнению Тихомирова, наличие в нём сходных мотивов и выражений с теми, что встречаются в посланиях митрополита Владимиру Мономаху о латинской вере и о poste (см.: Там же. С. 93–94). Сходства эти, однако, самые общие и обусловлены скорее общностью жанров произведений, нежели принадлежностью их одному автору.

⁶ В данном месте текст выскоблен (см. сноску № 1).

⁷ Мерило Праведное по рукописи XIV века. Изд. под наблюдением и со вступит. статьёй академика М.Н. Тихомирова. М., 1961. С. 9–10. Ср.: Тихомиров М.Н. Исследование о русской правде. С. 211. Со ссылкой на Тихомирова данное послание в качестве свидетельства похвалы Владимира Мономаха современниками за его законодательную деятельность цитировалось и другими историками. См.: Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 197; Милов Л.В. О происхождении Пространной Русской Правды // Вестник МГУ. Серия История. 1989. № 1. С. 6; Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 234.

⁸ В некоторых списках князь, о котором идёт речь, назван не Владимиром, а Михаилом или Дмитрием. См.: Тихомиров М.Н. Исследование о русской правде. С. 92. Неслучайно видимо и отсутствие данного послания, как во всех публикуемых источниках о Владимире Мономахе, так и открытых текстах Никифора. Примечательно, что в послании митрополита Никифора действительно адресованном Владимиру Мономаху («Послание Никифора, митрополита Киевскаго, к великому князю Володимиру, сыну Всеволожу, сына Ярославля») и содержащем яркую характеристику князя, законодательная его деятельность отдельной похвалы не удостоилась. Она лишь традиционно выступает в перечне княжеских обязанностей, о которых митрополит пишет: «...дела твоя благоверие, правду и судьбу нелицемерну, и милость и отпущение». Правосудие с точки зрения Никифора является одной из добродетелей князя, который, как им подчёркивается, лично участвует в его отправлении: «...и сам суди и расуди таковыя, и якоже от Бога наставляемъ, всеъ помяни и тако сътвори»; «...поминаи о осужденыхъ от тебе, и исправи кто кого оклеветаль, и самъ расуди...» (см.: Чичуров И.С. Политическая идеология Средневековья (Византия и Русь). М., 1991. С. 144–145; Послание Владимиру Мономаху о poste и воздер-

производил на современников «Устав Владимира Всеволодовича» и «Поучение» князя. Последнее, как известно, не упоминает ни о каком «Уставе», хотя его автора, как совершенно справедливо заметил А.С. Королёв, «явно занимали вопросы социального и юридического характера. Это странно, – продолжал исследователь, – так как в случае составления им такого памятника забыть о нём князь вряд ли бы мог – было чем гордиться и ставить в пример детям»⁹. Однако Мономах лишь рекомендует им: «Всего же паче оубогых не забывайте, но елико могущее по силе кормите и придавайте сироте, и вдовицу оправдите сами, а не вдавайте сильным погубити человека. Ни права, ни крива не оубивайте, не поведавайте оубити его, аще будеть повинень смерти, а душа не погубляйте никакоюже христианы»¹⁰. О себе же, как уже отмечалось, Мономах писал: «и худаго смерда, и оубогыя вдовице не даль есмь сильным обидети»¹¹. Всё это, несмотря на старания исследователей «притянуть» данные наставления князя к его «Уставу», параллелей в последнем не имеет. Впрочем, не все важные события жизни Владимира Мономаха нашли отражение в его «Поучении». Поэтому вовсе не обязательно оно было составлено до появления «Устава», как это предположил А.С. Королёв, согласно которому, «Устав» в этом случае «должен был появиться после 1117 г.»¹².

«Устав» Владимира Мономаха как часть Пространной Правды сохранился в более чем 100 списках (в составе Кормчих книг, Мерил Праведных и юридических сборников особого состава). Также как и завершённая при Мономахе Повесть временных лет, легшая в основу последующего летописания, Пространная Правда стала, по характеристике А.А. Зимина, «обобщающим законодательным

жании чувств // Творения митрополита Никифора / изд. подг. С.М. Полянским; отв. ред. М.Н. Громов, С.М. Полянский. М., 2006. С. 108).

⁹ Королёв А.С. Устав Владимира Мономаха в отечественной историографии XIX–XX вв. // Творения митрополита Никифора... С. 453.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1962. Стб. 241. Считается, что князь в данном случае выписывал идеальный портрет древнерусского правителя, как он его представлял. Источником при этом для него служили библейские и литературные образцы. См. напр.: *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси в VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 569–572.

¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Стб. 251. В соответствии с предыдущим примечанием перед нами стремление Мономаха представить себя в качестве идеала правителя, которому он, однако, далеко не всегда соответствовал. См.: *Милюков В.В.* Владимир Мономах и его Поучение // Творения митрополита Никифора... С. 353–354, 357; *Боровков Д.* Владимир Мономах, князь-мифотворец. М., 2015. С. 193–194.

¹² Королёв А.С. Устав Владимира Мономаха в отечественной историографии. С. 453–454. Согласно другому его предположению, к которому исследователь, в конечном счёте и склонился, тот факт, что в «Поучении» Мономаха ни слова не сказано о его «Уставе», может свидетельствовать о том, что «и сам князь, и тот, кто, возможно, позднее продолжал дорабатывать его сочинение, не считали составление Устава значительным событием в жизни Владимира Всеволодовича» (См.: Там же. С. 480). Если, однако, следовать подобной логике, то придётся признать, что и своё вокняжение в Киеве Мономах не считал значительным событием, ибо и о нём в «Поучении» не упомянуто ни слова. Все эти умолчания, впрочем, могут быть объяснены за счёт утраты какой-то части текста «Поучения» по причине потери листов, или вследствие сокращений (см.: *Милюков В.В.* Владимир Мономах и его Поучение. С. 348). Однако Милюков больше склоняется к тому, что «впечатление дефектности» «Поучения» объясняется его незавершённостью (см.: Там же. С. 355–356, 360).

кодексом», положенным в основу местных памятников феодального права¹³. Упоминания об «Уставе Владимира Всеволодовича» нашли отражение и в некоторых летописях¹⁴. Однако представление о Владимире Мономахе как законодателе в памятниках общественной мысли Древней Руси не закрепилось¹⁵. Ни в Лаврентьевской, ни в Ипатьевской летописях, содержащих, согласно схеме А.А. Шахматова, соответственно первую и вторую редакции Повести временных лет, о составлении Владимиром Мономахом какого бы то ни было «Устава» нет ни слова. В них этот князь выступает в качестве объединителя княжеского рода, остановившего усобицы и последовательного борца с половцами, начавшего целенаправленное наступление на Степь¹⁶. В последующем летописании, в эпоху образования Русского централизованного государства этот образ трансформировался в династический и самодержавный символ¹⁷.

Представление о Владимире Мономахе как законодателе в русской общественно-исторической мысли формируется лишь после того, как в конце XVIII в. была открыта Пространная Правда. Она была обнаружена в составе «Кормчей старинного Вычегодского списка», «списанного» Василием Крестининым и в 1788 г. впервые опубликована в третьей части «Продолжения Древней Российской Вивлиофики». При публикации текст был разделён на две части: «Суд Яро-

¹³ Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 254.

¹⁴ В Тверском летописном сборнике под 1019 г. в рассказе о вокняжении Ярослава Мудрого после победы над Святополком читаем: «Зде пишетъ судебникъ великаго князя Ярослава Владимерича, и потомъ его детей: Изяслава, Святослава и Всеволода, и по них уставъ великаго князя Владимира Всеволодича Манамаха...». См.: Тверской сборник // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. Стб. 141–142. Сам же «Устав» читается в приложении Новгородской первой летописи (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1950. С. 493).

¹⁵ Сохранившееся в Мериле Праведном послание, в авторе которого М.Н. Тихомиров усмотрел митрополита Никифора, в силу гипотетичности своей атрибуции не может свидетельствовать об обратном. «Устав» Мономаха никогда не был внесён в текст летописи, повествующий о его деятельности. Он, как уже отмечалось, оказался помещён только в приложениях к Новгородской первой летописи. В каком-то смысле как законодателя Владимира Мономаха затмил его предшественник на этом поприще, занимавший к тому же в отличие от него в своё время новгородский стол Ярослав Мудрый. Повествуя о нём, новгородский летописец начала XV в. не преминул сообщить и о его законах, создав путём нехитрого сокращения Пространной Правды (выписывая либо первую, либо последнюю её статью на странице) так называемую Краткую Правду. Как показал А.П. Толочко, последняя была «создана, чтобы снабдить читателя летописи удобным и необременительным текстом “Ярославлей грамоты” (в качестве некоей хартии новгородских вольностей, пожалованной князем Ярославом Мудрым – А.И.). Она создавалась в расчёте на летопись и никогда вне летописи не существовала» (см.: Толочко А.П. Краткая редакция Правды русской: происхождение текста. Киев, 2009. С. 83–84, 109–110). Ничего подобного, ещё раз подчеркнём, с «Уставом» Мономаха проделано не было. В новгородском летописании Владимир выступает скорее даже как ограничитель новгородских вольностей: «В лето 6626... приведе Володимиръ съ Мъстиславомъ вся бояры новгородскыя Киеву, и заводи я къ честному хресту, и пусти я домовъ, а инья у себе остави; и разгневася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчу, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся» (см.: Новгородская первая летопись... С. 21).

¹⁶ Иценко А.С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов-на-Дону, 2014. С. 123.

¹⁷ Там же. С. 125.

слава Володимировича, Правда Русская» и «Оустав Володимера Князя»¹⁸. Позднее исследователям стали известны и другие списки Пространной Правды, но, неизменно, как и при первой публикации, внимание учёных привлекала имеющаяся в середине текста надпись, выделенная особым киноварным заглавием – «Устав Владимира Всеволодовича». Вне всякого сомнения, речь шла именно о Владимире Мономахе, представшем, таким образом, перед учёной публикой с новой стороны – как законодатель.

Впрочем, образ Владимира Мономаха как законодателя можно усмотреть уже в «Истории Российской» В.Н. Татищева. Ему, открывшему Краткую редакцию Русской Правды, Пространная Правда была неизвестна, но, тем не менее, в его труде содержатся известия, которые имеют отношение к нашей теме. Речь идёт о сообщаемых Татищевым обстоятельствах вокняжения Владимира Мономаха в Киеве. Так, согласно историку, вспыхнувшие в столице после смерти Святополка волнения были вызваны главным образом злоупотреблениями еврейских ростовщиков, картина притеснений которых и ответной на них реакции городского населения была столь масштабной, что киевляне просили Мономаха об «управе на жидов». Требование изгнания евреев с территории Руси Владимир пообещал рассмотреть на княжеском совете, где якобы «по долгом разсуждении уставили закон таков: “Ныне из всея Руския земли всех жидов со всем их имением выслать и впредь не впускать; а если тайно войдут, вольно их грабить и убивать”. И послали по всем градам о том грамоты, по которым везде их немедленно выслали, но многих по городам и на путях своевольные побили и разграбили»¹⁹. Законодательство Мономаха носило, таким образом, согласно Татищеву, антисемитский характер и сводилось к изгнанию иудеев. Ни «Устав Владимира Всеволодовича», ни другие древнерусские источники этого, однако, не подтверждают. Евреи не могли играть роли главных эксплуататоров в древнерусском городе и, тем более, в его сельской округе, где ростовщическими операциями руководило боярство²⁰.

«Антисемитская заострённость» рассказа о решении Владимира Мономаха выселить евреев из Руси была, по мнению С.Л. Пештича, «обусловлена непоследовательностью просветительского мировоззрения Татищева, веротерпимость которого, как видно, не распространялась на все религии. Заведомо извращённым описанием событий 1113 г. Татищев пытался исторически обосновать реакционное законодательство царизма в национальном вопросе. Достаточно ознакомиться с законодательными актами первой половины XVIII в., что-

¹⁸ Продолжение Древней Российской Вивлиофики. Ч. III. СПб., 1788. С. 16–45. Подробнее об этом издании см.: *Валк С.Н.* Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII – начала XIX века // *Валк С.Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению. Научное наследие. СПб., 2000. С. 208–209.

¹⁹ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 2. М., 1963. С. 129. В другом месте своей «Истории» Татищев поместил ещё одно сообщение о судьбе киевских иудеев, которых он считал потомками хазарских переселенцев: «...от их жидовства в Киеве по смерти Святополка II-го учинилось великое смятение, многих побили, для котораго Владимир II закон о сейме 1126-го зделал: всех жидов выгнать и впредь в Русь не впускать, которое доднесь хранится» (см.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 328–329).

²⁰ *Петрухин В.Я.* Киевское восстание 1113 г. и еврейский погром (в интерпретации В.Н. Татищева) // *Славяноведение.* 2013. № 2. С. 3. Ср.: *Чекин Л.С.* К анализу упоминаний о евреях в древнерусской литературе XI – XIII вв. // *Славяноведение.* 1994. № 3. С. 39.

бы убедиться в совпадении точки зрения их авторов и Татищева». Актуальность татищевской фальсификации доказывалась Пештичем «широким использованием его описания событий в Киеве в произведениях Эммина, Екатерины II, Болтина, в журнале “Новые ежемесячные сочинения”, в “Краткой Российской истории, изданной в пользу народных училищ” и др.»²¹. Сомневаясь в достоверности «татищевских известий», многие историки, тем не менее, полагали вслед Татищевым, что главной причиной киевского восстания 1113 г. были злоупотребления еврейских ростовщиков. Само восстание нередко при этом квалифицировалось как «первый еврейский погром».

Первым историком, кто привлек для характеристики Владимира Мономаха его «Устав» был Н.М. Карамзин, в многообразной деятельности князя выделявший его стремление «благодеяниями человеколюбивого законодательства утвердить свое право на имя отца народного» и «облегчить судьбу недостаточных людей»²². Не доверяя «татищевским известиям», Карамзин считал, что постановление Мономаха сводились не к выселению ростовщиков-евреев, а к «Закону о ростах» (ст. 53 Пространной Правды). Князь «включил сей закон в Устав Ярославов». А сделал это Владимир Всеволодович «в начале своего правления»²³. Мнение Карамзина практически полностью принял С.М. Соловьёв. Осуществлённое Мономахом «ограничение ростов», он, как и его предшественник, связывал с обстоятельствами его избрания – вспыхнувшим после смерти Святополка киевским мятежом, направленным против «злоупотреблений, какие позволяли себе по этому предмету (взимание чрезмерно высоких процентов – *А.И.*) жиды в княжение Святополка»²⁴. Исходя из иных представлений о политическом строе Древней Руси²⁵, аналогично ход событий 1113 г. представлял и

²¹ Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. 2. Л., 1965. С. 159. Против такой оценки рассматриваемого известия Татищева выступил А.Г. Кузьмин, признавший его достоверным, извлечённым из не дошедшего до нас источника (см.: Кузьмин А.Г. Статья 1113 г. в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вестник МГУ. Серия История. 1972. № 5. С. 82–84). Однако, как было продемонстрировано А.П. Толочко, в распоряжении Татищева не было никаких источников, неизвестных современной науке. Все уникальные известия, содержащиеся в его труде, суть «умелые мистификации», сочинённые самим Татищевым (см.: Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005). М.Б. Свердлов, не согласившись с определением «татищевских известий» как «мистификаций», объяснил их происхождение особенностями истории как науки в первой половине XVIII в. и свойствами философских концепций (Г.В. Лейбница и Х. Вольфа), которыми Татищев руководствовался (см.: Свердлов М.Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009. С. 313–314). Впрочем, тема погрома и изгнания евреев из Русской земли в связи с событиями 1113 г. ни Толочко, ни Свердловым не рассматривалась. К ней в специальной статье обратился В.Я. Петрухин, показавший, что она была явно навеяна недавними и актуальными для Российского государства событиями казачьих восстаний против Речи Посполитой (где евреи действительно имели данные польской короной привилегии) и погромов на Украине XVII в. (см.: Петрухин В.Я. Киевское восстание 1113 г. и еврейский погром. С. 7–10).

²² Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II. Изд. 2е, исправл. СПб., 1818. С. 150–151.

²³ Там же. С. 151.

²⁴ Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. I. Т. 1–2. История России с древнейших времён / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1988. С. 390; Кн. II. Т. 3–4. С. 66.

²⁵ Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб., 2014. С. 148–149.

И.А. Линниченко, также ограничивавший законодательство Мономаха «законом о резах (процентах)». По его мнению, то, «что этот закон был важен для народа и ограничивал широко развившееся злоупотребление, доказывается беспощадной ненавистью, которую проявили киевляне по смерти Святополка к главным ростовщикам – жидам»²⁶.

Были, впрочем, в то время и исследователи, считавшие, что не только постановление о резе, но и все последующие за ним до самого конца Пространной Правды статьи были составлены Мономахом²⁷. Развернутую аргументацию в пользу этого в своём «Исследовании об уголовном праве Русской Правды» предложил Н.И. Ланге²⁸. По мнению М.П. Погодина, с появлением Владимира Мономаха в Киеве, начавшиеся после смерти Святополка волнения прекратились сами собою, а новый великий князь «присоединил» к Русской Правде или «подтвердил» многие новые важные законы: о ростах, о наёмниках, о свидетельствах, о побоях, о наследстве, о судебных пошлинах, о долгах, о холопах, смердах и проч., законы, доказывающие его предусмотрительность, заботливость и здравый смысл»²⁹.

Представление о том, что Владимир Мономах является составителем всей второй части Пространной Правды, однако, не нашло много сторонников. Большинство авторов второй половины XIX в., по наблюдению А.С. Королёва, «вообще выступало против мнения об официальном происхождении редакций Русской Правды, но, исходя из других установок, всё же, подобно Карамзину, ограничивало законодательство Мономаха уставом о резах»³⁰. В.И. Сергеевич, например, был убеждён, что наличие в середине текста Пространной Правды заголовка, упоминающего Владимира Мономаха, вовсе не означает, что он «пересмотрел Правду Ярослава и его сыновей и дополнил её. Из текста Правды этого вовсе не следует. Статья 65-я (по нумерации, принятой Сергеевичем – А.И.) говорит, что, по смерти Святополка, Владимир Всеволодович созвал дружину свою и сделал постановление о процентах и только. Мономах является здесь не редактором новой правды, а издателем специального указа о процентах»³¹.

Близкого взгляда на законодательную деятельность Владимира Мономаха придерживался и М.Ф. Владимирский-Буданов, различавший в Пространной

²⁶ Линниченко И. Вече в Киевской Области. Киев, 1881. С. 29–30.

²⁷ Такое мнение, в частности, высказывал ещё И.Н. Болтин. См.: Правда Руская или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. Изданы любителями отечественной истории [И.Н. Болтиным, И.П. Елагиним и А.И. Мусиным-Пушкиным]. СПб., 1792; Валк С.Н. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII – начала XIX века. С. 215–216. В 1840-е гг. о том, что вторая часть Пространной Правды обязана своим возникновением Владимиру Мономаху, писал Э.С. Тобин. См.: Тихомиров М.Н. Исследование о русской правде. Происхождение текстов. С. 11–12; Валк С.Н. Русская Правда в изданиях и изучениях 20–40-х гг. XIX века // Валк С.Н. Избранные труды... С. 306–312.

²⁸ Ланге Н.И. Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1860. С. 15–16; Королёв А.С. Устав Владимира Мономаха в отечественной историографии. С. 457.

²⁹ Погодин М.П. Древняя Русская история, до монгольского ига. Т. I. М., 1871. С. 129.

³⁰ Королёв А.С. Устав Владимира Мономаха в отечественной историографии. С. 458. «Родоначальник мнения о частном происхождении Русской Правды» – Г.Ф. Эверс с времени Владимира Мономаха связывал, однако, появление Пространной Правды в целом. См.: Валк С.Н. Русская Правда в изданиях и изучениях 20–40-х гг. XIX века. С. 260–261.

³¹ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / Под ред., с предисл. В.А. Томсинова. М., 2004. С. 70.

Правде две половины: «1-ю, законченную, вероятно, при Мономахе, 2-ю дополнительную»³². Исследователь решительно отметал мнение, что последняя есть цельный устав Мономаха. «Нет сомнения, – писал Владимирский-Буданов, – что в Правду вошли постановления и других князей, не упомянутых в ней; нет никаких оснований думать, что движение законодательства вовсе остановилось на Мономахе»³³.

В.О. Ключевский, отстаивая представление о Русской Правде, как памятнике церковного права, своде «разновременных частичных сводов и отдельных статей»³⁴, судя по всему, также был склонен приписывать Владимиру Мономаху лишь постановление об ограничении продолжительности взимания процента. При этом это ограничение, как он признавал, не было существенным, ибо «при долголетнем займе и Мономах, допустил годовой рост в 40 %. Но едва ли эти ограничительные постановления исполнялись»³⁵.

Н.И. Хлебников же, напротив, полагал, что закон Владимира Мономаха «должен был соблюдаться буквально». Помимо постановления о процентах, он относил к нему статьи о закупах, обанкротившихся купцах, холопах и некоторые постановления из области уголовного права (об убийстве женщины, о поджоге гумна и др.). По существу, Хлебников отнёс к законодательству Мономаха почти всю вторую половину Пространной Правды, но из осторожности написал, что она содержит постановления как Мономаха, так «и его ближайших преемников»³⁶. Введённые Владимиром Всеволодовичем законы были, по его оценке, «величайшим благодеянием, какое княжеская власть могла оказать стране»; не заветы «Поучения» князя, а «законы, по которым давался суд во всех подчинённых ему областях» и сделали его имя столь популярным в народе, что «даёт Владимиру имя великого законодателя»³⁷. В такой оценке не трудно заметить восторженное отношение историка к фигуре Владимира Мономаха. Очевидно, именно этим отношением она и обусловлена.

Особо роль Владимира Мономаха как законодателя выделял Н.И. Костомаров. Однако, в отличие от Хлебникова, он занимал более осторожную позицию. По его мнению, при Мономахе было «ограничено произвольное внимание рез (процентов)», Мономаху же принадлежат положения Правды о разорившемся купце, о закупах, о том, кто становится холопом. «По некоторым данным, – писал Костомаров, – ко временам Мономаха следует отнести постановления о наследстве»³⁸. Все эти законы, по оценке М.С. Грушевского, писав-

³² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 117.

³³ Там же. С. 118.

³⁴ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн. Кн. 1. Ростов-на-Дону, 1998. С. 194–197, 213.

³⁵ Там же. С. 227–228.

³⁶ Хлебников Н.И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. С. 332. Значительную часть Пространной Правды относил к законодательству Мономаха также И.Д. Беляев. О его оценке масштабов законодательной деятельности Владимира Мономаха см.: Королёв А.С. Устав Владимира Мономаха в отечественной историографии. С. 460.

³⁷ Хлебников Н.И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. С. 246.

³⁸ Костомаров Н.И. Князь Владимир Мономах // Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Кн. I. Вып. 1, 2 и 3. М., 1990. С. 66.

шего уже когда на первый план в изучении истории Руси выдвинулись вопросы экономики и социальных отношений, «имели целью облегчить тяжёлые экономические условия, в которых находилось современное население, благодаря предшествовавшим набегам, усобицам и под.; Мономах шёл на встречу тому экономическому протесту, который население заявило при его вокняжении своим движением против жидов и бояр»³⁹. Несколько позднее это движение Грушевский охарактеризовал как «социальную революцию 1113 г.» и прямо говорил об обусловленности его законодательства Мономаха⁴⁰. Этот его последний тезис оказал весьма сильное влияние на последующих историков и прежде всего на А.Е. Преснякова и М.Н. Покровского. Так, Пресняков находил, что законодательство Мономаха, к которому он относил не только «устав о процентах, выработанный при участии дружины», но и «устав о закупах» и «устав о холопах», «имело целью ввести в определённые рамки обостряющуюся социальную борьбу, и, поскольку оно ограничивает эксплуатацию меньшей братии, должно быть названо актом самозащиты социальных верхов перед напором раздражения чёрного люда»⁴¹. С точки же зрения М.Н. Покровского, окончательно расставившего в событиях предшествовавших изданию «Устава» Владимира Мономаха «классовые» акценты, этот князь выступил в своей законодательной деятельности в качестве посредника «между заволновавшимися низами и напуганными верхами киевского общества». Связано это было, по его мнению, с тем, что Мономах пользовался доверием «общественных верхов» и в то же время умел затронуть и демократические струнки киевлян⁴².

Появившийся в результате переговоров «Устав» был, как признавал Покровский, «очень короток» и заключал в себе «всего несколько строк. В рукописях более позднего времени он разрастается до размеров целого маленького памятника – своего рода дополнительной “Русской Правды” – его иногда называют “Правдой Мономаха”». Однако исследователь признавал маловероятным, чтобы все эти нормы были предусмотрены Мономахом. Скорее всего, они явились дальнейшим развитием его законодательства⁴³. В целом же Покровский склонен был относить к законодательству Мономаха лишь положения о резах и

³⁹ Грушевский М. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 132. Ср.: Грушевський М. Історія України-Руси. Т. II. XI–XIII віки. Львів, 1898. С. 118–119.

⁴⁰ Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. III. До року 1340. Львів, 1905. С. 321.

⁴¹ Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси // Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 209. Аналогичную оценку законодательству Мономаха Пресняков давал и в своих лекциях, прочитанных примерно в одно время с выходом в свет «Княжого права» (1909 г.). Отмечая «широкое» его значение, он, тем не менее, писал, что «при ближайшем рассмотрении и это законодательство не текущее, не общегосударственное в полном смысле слова, а вызванное особыми обстоятельствами – моментом поднявшегося народного движения – и коснувшееся интересов тех слоев, которые близко связаны были, а в значительной степени и слиты с княжеско-дружинной средой социальных верхов киевского общества. И если мы видим, что тенденция этих уставов направлена к ограничению их эксплуататорских инстинктов, то это дела не меняет. Уставы Мономаха были актом самозащиты социальных верхов от народного раздражения». См.: Пресняков А.Е. Лекции по русской истории... С. 451, 458.

⁴² Покровский М.Н. Избранные произведения в четырёх книгах. Кн. 1. Русская история с древнейших времён (т. I и II). М., 1966. С. 162.

⁴³ Покровский М.Н. Избранные произведения... С. 163–164.

банкротах⁴⁴. А в «Русской истории в самом сжатом очерке» автор отнёс к «Уставу» Мономаха ещё и положения о закупах⁴⁵. Оценивая законодательство Мономаха, Покровский сравнивал его «Устав» с «сисахтией» Солона, «страхнувшей» долговую кабалу с плеч афинского должника VI века до р.х. Не идя так далеко, он развивал право в том же направлении, притом развивал революционным путём, кассируя сделки, которые ещё вчера были вполне легальными⁴⁶. «Устав» тем самым намечал переход к более прогрессивным формам кредита. Однако он, как настаивал Покровский, не был результатом доброй воли князя. Так «был юридически закреплён успех киевской народной массы»⁴⁷. Тем не менее, несмотря на предпринятую им кардинальную переоценку многих героев прошлого, попытку их дискредитации⁴⁸, Владимир Мономах, благодаря своей законодательной деятельности, в сравнении со многими другими князьями и царями выглядит у Покровского вполне благопристойно.

Идея о революционном происхождении «Устава» Мономаха и его компромиссным характере, несмотря на скорое развенчание, как Грушевского, так и Покровского, была принята большинством советских историков. Прибыв на киевский стол в момент восстания низов против господствующих классов, и в частности должников – против своих кредиторов, Мономах, согласно одному из крупнейших историков Киевской Руси 30-х – начала 50-х гг. Б.Д. Грекову, рядом мер, в том числе и компромиссных, ликвидировал восстание. Создавшееся положение, как отмечал историк, «подсказало ему, что необходимо, прежде всего, облегчить положение должников, стонавших под игом ростовщических процентов, и помочь тем, кто за взятые у господ вперед деньги должны были гнуть свои спины на барской работе, т.е. закупам. Владимир сделал и то, и другое». При этом, хотя установления Мономаха и «были направлены, несомненно, в сторону облегчения тяжёлого положения угнетённых горожан и сельчан, реформатор отнюдь не собирался уничтожить привилегии господствующих классов. От его реформы не должны были... особенно сильно пострадать ростовщики и землевладельцы»⁴⁹.

Позднее Греков отнёс к Уставу Мономаха и «устав о холопах», издавая который Мономах «обнаруживает тенденцию сократить источники рабства», «идя навстречу требованиям хозяйственного развития страны»⁵⁰. Постепенно увеличивая в своих трудах число статей, внесённых в Пространную Правду Владимиром Мономахом, Греков написал, наконец: «Если мы будем руководство

⁴⁴ Там же. С. 164–165.

⁴⁵ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933. С. 24.

⁴⁶ Покровский М.Н. Избранные произведения... С. 165. С законодательством Солона «Устав» Мономаха сравнивал ещё Н.И. Хлебников. См.: Хлебников Н.И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. С. 233.

⁴⁷ Покровский М.Н. Избранные произведения... С. 165. Ср.: Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933. С. 24.

⁴⁸ Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 236–242; Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времён до 1917 г. Учебное пособие. М., 1993. С. 741–744.

⁴⁹ Греков Б.Д. Феодалные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1937. С. 187; Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 497. О стремлении Мономаха облегчить участь должников и закупа писал в это же время М.Д. Присёлков. См.: История русской литературы. Т. I. М.; Л., 1941. С. 8.

⁵⁰ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 497.

ваться не формальными признаками, а содержанием той части “Русской Правды”, которая озаглавлена “Устав Володимерь Всеволодовича”, то нам станет ясно, что 1) эта часть “Правды” (в основном, конечно, позднейшие вставки возможны и даже неизбежны) действительно относится ко времени Владимира Мономаха, 2) она проникнута единой мыслью и, несомненно, связана с событиями 1113 г.»⁵¹. По сравнению с Покровским Греков оценивал значение «Устава» Владимира Мономаха, однако, более критически: «Многие из этих новых правил были неисполнимы, потому что трудно было следить за всеми господами, пользующимися трудом зависимого от них населения. Но, тем не менее, все эти правила создавали совершенно определённое впечатление, что времена Святополка миновали. Народ утих»⁵².

Схожую оценку законодательной деятельности Мономаха давал и такой крупный историк государства и права как С.В. Юшков. Издание «Устава» Владимира Мономаха он уже традиционно связывал с событиями 1113 г., когда согласившись на предложение киевской правящей верхушки занять киевский стол, Владимир не только быстро подавил вспыхнувшее после смерти Святополка восстание (!), но и «решил принять меры для смягчения классовых противоречий в Киевской земле»⁵³. Для этого «он должен был ограничить эксплуатацию ростовщиков и облегчить положение разорявшихся людей»⁵⁴. При этом в отличие от Грекова, Юшков полагал, что на совещании в Берестове был составлен «весь Устав в целом», значительная часть которого имела своим источником «новые постановления Владимира Мономаха и его ближайших советников». Своей задачей этот «Устав» имел не только «некоторое сглаживание классовых противоречий», но и составление нового законодательного сборника, включавшего наряду с уголовными и процессуальными нормами, нормы, относящиеся к области гражданского права⁵⁵. Задачи эти, по оценке Юшкова, законодательством Мономаха были выполнены «удовлетворительно»⁵⁶.

Если Греков и Юшков, нагнетая классовые противоречия в Киеве и его округе начала XII в., расширяли авторство Мономаха на всю вторую часть Пространной Правды, то такой видный знаток Русской Правды, как Б.А. Романов оснований для этого не видел. С деятельностью Мономаха он, бесспорно, связы-

⁵¹ Греков Б.Д. Краткий очерк истории русского крестьянства. М., 1958. С. 80; Королёв А.С. Устав Владимира Мономаха в отечественной историографии. С. 464.

⁵² Греков Б.Д. Феодалы и отношения... С. 188. В «Киевской Руси» Греков писал, что не «многие», а лишь «некоторые» из «новых правил» были невыполнимы. Иначе выглядит и концовка: «Народ на время утих». См.: Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 498. Ср.: Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XII вв. М., 1953. Ч. 1. С. 191. Несколько мягче точка зрения Грекова выглядит в передаче А.С. Орлова, предпринявшего после войны попытку освободить образ Владимира Мономаха «от скупого схематизма средневековой книжности и растолковать применительно к новым текущим историко-социальным представлениям». См.: Орлов А.С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946. С. 3, 28–29.

⁵³ Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, её значение / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2010. С. 291.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 294. Ср.: Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 174–175. В своих построениях Юшков, подобно Ланге, исходил из положения о раздельном существовании «Устава» Владимира Мономаха и предшествовавшего ему «Устава» Ярослава, до их «механического» соединения в составе Пространной Правды, как двух разных юридических памятников.

⁵⁶ Юшков С.В. Русская Правда... С. 295.

вал лишь «Устав о резах». «Было ли связано с ним и происхождение текста “Устава о закупах” – вопрос, на который может быть дан двоякий ответ. Но можно указать признаки, что “Устав о холопах” не только не одновременен с “Уставом о закупах”, но относится к позднему времени, являясь как бы второй главой, написанной другой рукой, хоть в той же книге»⁵⁷.

«Устав» Владимира Мономаха Романов рассматривал в контексте проводившейся им «политики смягчения социальных противоречий». Присоединившись к точке зрения А.Е. Преснякова, согласно которой социальное законодательство Мономаха являлось попыткой «самозащиты социальных верхов от народного раздражения», то есть «попыткой верхов путём самоограничения сохранить и укрепить на прочных основаниях самую возможность дальнейшей феодалской эксплуатации народных масс»⁵⁸, он в то же время находил основания говорить о Мономахе как о «ведомом пропагандисте смердолюбия»⁵⁹.

М.Н. Тихомиров рассматривал «Устав» Владимира Мономаха как один из источников Пространной Правды. При этом он признавал неубедительным представление о том, что вся её вторая часть относится к этому памятнику. «Устав» Мономаха, по Тихомирову, «начинался словами о совещании в Берестове и кончался постановлениями в малых тяжбах ссылаться на закупа, за исключением статей о потоплении купца, о долге и о холопе, ударившем свободного»⁶⁰.

Составление «Устава», подобно всем исследователям Русской Правды, Тихомиров связывал с восстанием 1113 г. Следуя в описании событий за Грековым, он, однако, придал выступлению киевлян ещё больший размах, отодвинув его ко времени «здалго до смерти Святополка» и распространив не только на

⁵⁷ Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М.; Л., 1966. С. 217.

⁵⁸ Там же. С. 58.

⁵⁹ Там же. С. 100–101; Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 223. Ближе к этому и мнение И.У. Будовница, рассматривавшего «Устав» Владимира Мономаха в духе умеренного реформаторства, направленного на установление классового мира. См.: Будовниц И.У. «Изборник» Святослава и «Почучение» Владимира Мономаха // ТОДРЛ. Т. 10. М.; Л., 1954. С. 69–71; Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 141. Другой советский историк – В.В. Мавродин видел в законодательстве Мономаха стремление облегчить участь «закабалённых», «социальную профилактику», заняться которой его заставило киевское восстание 1113 г. См.: Мавродин В.В. Очерки истории левобережной Украины (с древнейших времён до половины XIV века). СПб., 2002. С. 234, 262. В работе, посвящённой народным движениям на Руси, он также характеризовал его как «до некоторой степени облегчавшее положение народных масс». «Устав» Мономаха, как пояснял Мавродин, «ограничивал ростовщичество», изменял «положение мелкого купца-должника» и положение закупа, которое тоже «изменялось в лучшую сторону». См.: Мавродин В.В. Народные восстания в древней Руси. XI–XIII вв. М., 1961. С. 75–76, 79. Законодательство Владимира Мономаха он оценивал, таким образом, достаточно высоко. Сложно поэтому согласиться с А.С. Королёвым, сближавшим его точку зрения с мнением «позднего» М.Н. Тихомирова (см.: Королёв А.С. Владимира Мономаха в отечественной историографии. С. 470), который, как мы увидим ниже, в своих суждениях об «Уставе» Мономаха был весьма резок.

⁶⁰ Тихомиров М.Н. Исследование о русской правде... С. 208. Позднее, под воздействием построений Грекова, Тихомиров включил в состав «Устава» Мономаха и положения о разорившемся купце, и о холопе, ударившем свободного. См.: Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 144–146.

киевскую, но и соседние земли⁶¹. Анализируя же сам «Устав», составленный, по его мнению, ещё до въезда Владимира Мономаха в Киев и направленный «в сторону уступок некоторым требованиям восставших», Тихомиров акцентировал внимание не на этих самых уступках, а на «классовой» его сущности. Не согласившись с Грековым о его компромиссном характере, он писал: «Давая некоторые внешние, чисто декларативные льготы зависимым крестьянам-смердам, это законодательство защищало интересы господствующего класса феодалов»⁶². Настаивая на этом, Тихомиров даже утверждал, что «фактически устав ещё более ухудшал положение закупов и холопов»⁶³. Новым явилось и обвинение Мономаха в ростовщичестве⁶⁴.

Тезис Тихомирова о Мономахе-ростовщике получил развитие под пером И.И. Смирнова. Считая Владимира Всеволодовича ставленником «верхов», призванным в Киев чтобы «путём наведения “страха” усмирить народные массы», он не находил никаких оснований «видеть в политике Мономаха политику радикальных социальных реформ»⁶⁵. Вполне традиционно историк приписал авторству Мономаха «Устав о резах» (ст. 53–55 Пространной Правды)⁶⁶. Но, сравнив содержание ст. 51, приписываемой законодательству Святополка, с «Уставом о резах» Мономаха, он пришёл к сходным с Тихомировым выводам – «вместо

⁶¹ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 147; Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 136.

⁶² Тихомиров М.Н. Древняя Русь. С. 144.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Ссылаясь на Киево-Печерский патерик и одно из поучений митрополита Никифора, Тихомиров отмечал, что «ростовщичеству не были чужды князья, в том числе Владимир Мономах» (см.: Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 105). В другой своей работе историк прямо писал об упреках митрополитом Никифором Владимира Мономаха «в лихоимстве и ростовщичестве», «грозном» его обвинении «устаи митрополита-царедворца» (см.: Тихомиров М.Н. Древняя Русь. С. 132). Для такой интерпретации произведения Никифора, на которое ссылается Тихомиров, однако, нет оснований. Как обратил внимание И.И. Смирнов, во-первых, «ни в тексте памятника, ни в его заголовке нет никакого упоминания о Мономахе. Во-вторых, это не “послание”, как оно названо у М.Н. Тихомирова, а “Почуение митрополита русского Никифора в неделю сыропустную, в церкви, ко игуменом, и ко всему иерейскому и диаконскому чину, и к мирским людям”. Наконец, ... вернее относить данное “поучение” к первым годам пребывания Никифора в Киеве, т.е. ко временам Святополка» (см.: Смирнов И.И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII веков. М.; Л., 1963. С. 265). Такого же мнения относительно данного поучения Никифора придерживается А.Ю. Карпов (см.: Карпов А.Ю. Великий князь Владимир Мономах. М., 2015. С. 140). По мнению С.М. Полянского, «Почуение в неделю Сыропустную» было написано в преддверии киевского восстания 1113 г. (см.: Полянский С.М. Никифор – выдающийся мыслитель Древней Руси // Творения митрополита Никифора... С. 34–35). Суждение же Тихомирова, посчитавшего его «другим посланием к Владимиру Мономаху», он объяснил тем, что «такая интерпретация удобно укладывалась в тенденциозную концепцию восприятия им образа князя Владимира, поскольку «трудно предположить невнимательность в работе или неосведомлённость известного академика» (см.: там же. С. 37–38). Добавим, что неслучайным в этой связи является и умолчание в поздних работах Тихомирова о содержащемся в Мериле Праведном послании, которое он приписал в работе 1941 г. митрополиту Никифору, высоко оценивавшему в нём законодательную деятельность князя (Владимира Мономаха).

⁶⁵ Смирнов И.И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII веков. С. 246, 270.

⁶⁶ Там же. С. 270–271, 273–276.

традиционной альтернативы: князь-ростовщик (Святополк) и борец с ростовщицеством (Мономах) оказывается, что и Мономах, и Святополк проводят в финансовом законодательстве единую линию, причём Мономах лишь продолжает и развивает начатое Святополком»⁶⁷. Эта их финансовая политика, по мнению Смирнова, «имела своей целью создание правовых основ, регулирующих отношения кредита и в первую очередь ростовщицества-резоимства». Создавая «широкие возможности для ведения ростовщических операций», она вместе с тем «включала в себя мероприятия, направленные против крайностей в этих самых операциях»⁶⁸.

Особое внимание Смирнов обращал на упоминавшиеся в ст. 55 «княжие куны». Постановление о них заинтересовало его, прежде всего, потому, что рисует, по мнению исследователя, «князя», то есть Мономаха «в неожиданной роли резои́мца-ростовщика, кредитора, одолжавшего купца»⁶⁹. «То, что в ст. 55 Мономах не только защищал интересы ростовщиков-резоимцев, но и имел в виду установление некоторых гарантий для аналогичных собственных операций, вполне отвечает тому, что сохранили источники о богатстве Мономаха»⁷⁰.

Помимо «Устава о резах», Смирнов приписывал законодательству Мономаха и «Устав о закупах» (ст. 56–66), полагая, что вопрос о связи его издания с киевскими событиями 1113 г. «можно считать решённым»⁷¹. Что же касается «Устава о холопах», то его исследователь не видел достаточных оснований связывать с законодательством Владимира Мономаха.

Подобно И.И. Смирнову, Л.В. Черепнин также разделял взгляды «позднего» М.Н. Тихомирова на «Устав» Мономаха. Его целью, – писал он, – было «укрепить позиции правящего класса ценой некоторых уступок волновавшимся горожанам и крестьянам». При этом первой реакцией Владимира Мономаха на народное движение стало, согласно Черепнину, только принятие закона о «резе», что произошло ещё до его въезда в Киев⁷². Этим на Берестовском совещании «дело и ограничилось. Дальнейшие положения устава Мономаха были им разработаны, наверно, уже после того, как он стал великим князем киевским»⁷³.

Помимо постановления о «резе» к законодательству Мономаха Черепнин относил «ещё статьи 54–66 Пространной редакции Русской Правды». Именно в статьях 53–66, по его мнению, «бросаются в глаза терминологические особенности текста, восходящего к уставу Мономаха: ряд встречающихся в этом памятнике терминов (закуп, купа, отарица, должебити, орудья, продати) не повторяются в других разделах Пространной Правды. Но самое главное – это тематическая законченность и единство статей 53–66, свидетельствующая о том, что перед нами отдельный, самостоятельный памятник. В нём речь идёт о долговых обязательствах и кабальных отношениях, как в городе, так и в деревне. Очевидно, это был вопрос, наиболее интересовавший население в 1113 г.»⁷⁴.

⁶⁷ Там же. С. 273.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 277–278.

⁷⁰ Там же. С. 278.

⁷¹ Там же. С. 237.

⁷² Предпринятое Мономахом ограничение ростовщицества было, при этом, по оценке историка, «весьма слабым». См.: *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А.П. [и др.] Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 236.

⁷³ Там же. С. 237.

⁷⁴ Там же.

Хотя «в сложной обстановке столкновения классовых сил» Мономах в своём «Уставе» и занимал позицию защиты интересов «господ», ему, как признавал Черепнин, было присуще «здоровое понимание того, что развитие крестьянского хозяйства является условием экономической жизни государства, а для ведения своего хозяйства крестьянин должен обладать минимумом прав, подтверждённых законом». В этой связи законодательную деятельность Мономаха Черепнин признавал не политикой «смердолюбия», как это делал Романов, а политикой «обеспечения условий для развития экономики, державшейся на крестьянском труде»⁷⁵.

Концепцию эту во многом приняли в своих трудах Б.А. Рыбаков и П.П. Толочко. Однако, в отличие от Черепнина, они оценивали деятельность Мономаха более высоко. По его «Уставу», – писал Рыбаков, – было *сильно* ограничено взимание процентов за взятые в долг деньги», что «избавляло бедноту от угрозы длительной или вечной кабалы». В вотчинном хозяйстве новый закон, по его словам, «защищал некоторые человеческие права должников-закупов»⁷⁶. По оценке же Толочко, законодательная деятельность Мономаха в системе его мероприятий по «стабилизации внутреннего положения Руси», занимала «исключительно важное место». Будучи «своеобразным ответом на народные волнения в Киеве», «Устав» Владимира «несколько ограничивал ростовщичество, облегчал положение закупов, что, несомненно, следует рассматривать как уступки городской и сельской бедноте. Но это, – обращал внимание историк, – было и в интересах экономического развития всей страны, поскольку создавало более целесообразные условия для хозяйствования крестьян и городского торгово-ремесленного населения»⁷⁷.

Близко к этому взгляду и мнение автора научно-художественной биографии Владимира Мономаха А.Н. Сахарова. Направленный на умиротворение недовольных киевлян, принятый Мономахом новый закон позволил, по его мнению, путем частичных уступок «потушить» восстание 1113 г. «Теперь, – писал Сахаров, – мздоимцам не разрешалось кабалить людей, как прежде, разорять их и волочить на праже. Великие резы, лихоимание несправедное, мзды тяжкие были тем самым прекращены»⁷⁸. Своим «Уставом» Мономах, как продолжал далее историк, «расколол чернь, привлек на свою сторону тех, кто шёл в кабалу, не сумев уплатить великие резы. Долг с них был снят, и они благословили своего избавителя». Однако на этом Владимир Мономах не остановился: «"Устав" был дополнен, и вскоре появились новые законы о закупках и рядовичах, смердах и холопах. Великий князь продолжал, пусть и в небольших размерах, облегчать тяжкую долю сельских зависимых людей». При всём этом, эти его законы не были выражением «смердолюбия», как стремились их представить «приспешники Мономаха»: «сам великий князь хорошо понимал, что, вводя новый "Устав", он не только успокаивал селян, но и помогал укрепить хозяйство сельских жителей, чьим трудом кормились и князья, и бояре, и дружина, и мо-

⁷⁵ Там же. С. 244, 245.

⁷⁶ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 450–451 (выделено нами – А.И.).

⁷⁷ Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 103–104; Толочко П.П. Власть в Древней Руси. СПб., 2011. С. 20.

⁷⁸ Сахаров А.Н. Владимир Мономах // Каргалов В.В., Сахаров А.Н. Полководцы Древней Руси. М., 1985. С. 531.

настыри»⁷⁹. «По существу, – писал А.Н. Сахаров позднее, – Мономах выступил в истории Руси как первый серьезный реформатор. Он сумел устранить наиболее откровенные язвы складывающегося строя (феодального? – А.И.). Тем самым на время был достигнут социальный мир и упрочены основы самого этого развивающегося строя»⁸⁰.

Собственную концепцию в отношении Русской Правды длительное время разрабатывал А.А. Зимин. Уже в комментариях к Пространной Правде, изданных в 1952 г., он не согласился с мнением Юшкова о механическом соединении в ней ранее составленных «Суда Ярослава Владимировича» и «Устава Владимира Всеволодовича». Подобно Тихомирову, Зимин считал, что первоначально «заглавие “А се устави Володимир” относилось непосредственно к ст. 53 и только позднее, под пером составителей юридических сборников, им была озаглавлена вся вторая часть Пр. Пр. (Пространной Правды – А.И.)»⁸¹. Составление «Устава» Владимира Мономаха он определял временем «около 1116 г.»⁸². Это самая поздняя датировка.

Вторую половину Пространной Правды Зимин делил на четыре раздела, первый из которых – «Устав о резах и закупах» (ст. 53 – 66) собственно и представлял, по его мнению, нововведения Владимира Мономаха⁸³. Однако этими нововведениями, основанными частично на укоренившейся к началу XII в. практике, его работа над Пространной Правдой не ограничилась. Вся она, как замечал Зимин в том же издании, была отредактирована одной «рукою». Более ясно об этом он написал в другой работе, вышедшей в 1973 г.: «Разбор содержания Пространной Правды показывает, что при всём разнообразии источников, на которых основан этот свод древнерусских законов, можно обнаружить единую

⁷⁹ Там же. С. 532.

⁸⁰ История России. В 2 т. Т. 1. С древнейших времён до конца XVIII в. / А.Н. Сахаров, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин и др.; под ред. А.Н. Сахарова. М., 2006. С. 165.

⁸¹ Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. / Сост. А.А. Зимин. М., 1952. С. 162.

⁸² Столь позднюю дату Зимин обосновывал тем, что на съезде в Берестове присутствовала только дружина Мономаха, а до 1115 г., когда во время перенесения мощей Бориса и Глеба произошла княжеская «распря», Владимир все свои действия координировал со Святославичами. Казалось бы, участие в разработке «Устава» мужа князя Олега служит тому подтверждением. Не случайно, до работ Зимина этот факт использовался в качестве доказательства того, что издание «Устава» произошло до смерти Олега Святославича. Однако, по мнению Зимина, Иванко Чудинович «мог принимать самостоятельное участие в съезде дружины Владимира Мономаха только после смерти своего князя» (см.: там же). Но было ли это участие самостоятельным, или он представлял интересы Олега, большой вопрос. Большинство историков склоняется к последнему. По мнению современного исследователя древнерусской хронологии С.В. Цыба, датировавшего начало киевского княжения Владимира Мономаха зимой – весной 1114 г., столь необычный состав черниговской «делегации» в Берестове – отсутствие на съезде Святославичей и, в первую очередь, самого активного и влиятельного представителя этого клана – Олега, указывает на то, что «Устав» был принят незадолго до кончины этого Святославича, когда он «был уже не способен совершить поездку на правый берег Днепра» (см.: Цыб С. Когда Владимир Мономах стал киевским князем? // *Ruthenica. Альманах середньовічної історії та археології Східної Європи*. Т. IX. Київ, 2010. С. 35–36). Как и Зимин, Цыб, таким образом, датировал составление «Устава» Владимира Мономаха 1116 г., первой его половиной.

⁸³ Памятники русского права... С. 161. Остальные разделы включали в себя, согласно Зимину, княжеские постановления более раннего времени и законы, основанные на обычном праве.

руку кодификатора: его социально-политические устремления, юридические взгляды и терминология выдают нам то же лицо, которым были составлены явно мономаховы статьи (о закупках, должниках и т.п.)»⁸⁴. Поскольку «основной тенденцией всей политики Владимира Мономаха было стремление предотвратить дальнейший распад Киевской Руси, сохранить уходящее в прошлое единство», то, по Зимину, «именно этой цели и служило издание общерусского кодекса – Пространной Правды, который в отличие от Правды Ярославичей, должен был стать сводом всех основных норм феодального права»⁸⁵. Предположив, таким образом, что вся Пространная Правда была составлена во время княжения Мономаха, Зимин, по наблюдению А.С. Королёва, в дальнейшем «исходит уже из этого положения, используя материалы Правды лишь для “уточнения” этого вывода и не приводя никаких дополнительных аргументов в пользу предположения о редактировании Мономахом той или иной статьи»⁸⁶. Более подробный анализ законодательной деятельности Мономаха, основанный на всём том же тезисе о редактировании им всей Пространной Правды, был проделан Зиминим в его специальной монографии о Русской Правде, вышедшей в свет много лет после смерти автора⁸⁷.

В этой своей итоговой работе он оценивал законодательную политику Владимира Мономаха как «осторожную» и видел в ней стремление «ценой уступок смягчить остроту социальных противоречий в стране». Особенностью «кодекса Мономаха» в сравнении с Древнейшей Правдой и Правдой Ярослава Зимин признал особое внимание к «нормам гражданского (в том числе и наследственного) права, санкционировавшего дальнейшее развитие феодальных отношений»⁸⁸. Но главное – это использование общинных институтов в интересах феодального государства⁸⁹. С такой оценкой, по мнению Ю.Г. Алексеева, «можно согласиться, опуская только определение государства начала XII в., как феодального»⁹⁰.

Начиная с конца 1980-х гг. социально-экономическая проблематика практически перестаёт привлекать внимание исследователей истории Древней

⁸⁴ Зимин А.А. Холопы на Руси (с древнейших времён до конца XV в.). М., 1973. С. 160.

⁸⁵ Там же. С. 183. Аналогичным образом появление Пространной Правды объяснял и Л.В. Милов, рассматривавший её как одну из центральных частей древнейшего варианта Мерила Праведного, созданного при Владимире Мономахе и ему посвящённого. Законы Владимира об ограничении резов и о закупничестве он при этом соотносил с рядом титулов из византийской Эклоги середины VIII в. (см.: Милов Л.В. О происхождении Пространной Русской Правды // Вестник МГУ. Серия 8 (история). 1989. №1. С. 7, 19). Будучи помещена в сборник постановлений, включающий выдержки из апостольских правил, правил «вселенских» и региональных церковных соборов и памятники законодательства византийских императоров, Пространная Правда была поставлена Владимиром Мономахом, по оценке историка, «на вровень тогдашних мировых эталонов». См.: там же. С. 27.

⁸⁶ Королёв А.С. Устав Владимира Мономаха в отечественной историографии. С. 476.

⁸⁷ Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 217–254.

⁸⁸ Там же. С. 254.

⁸⁹ Там же. С. 235.

⁹⁰ По общей оценке Ю.Г. Алексеева, «терминологически отражающая уровень своего времени и зависящая от него, монография Зимина в большинстве его конкретных выводов и наблюдений перерастает своё время (конец 1970-х гг. – А.И.) и приближается к новому взгляду на природу древнерусской государственности и права» (см.: Алексеев Ю.Г. Рец. на: Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999 // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 156).

Руси⁹¹. Заметно уменьшилось и число работ, в которых бы рассматривалась законодательная деятельность Владимира Мономаха. Среди авторов по-прежнему уделявших ей большое внимание, следует назвать лишь, пожалуй, таких разных исследователей, как М.Б. Свердлов и И.Я. Фроянов. Другие же рассматривали законотворчество Мономаха либо вскользь, либо как штрихи его биографии.

М.Б. Свердлов традиционно связывал составление «Устава» Мономаха с восстанием 1113 г. Точка зрения Зимина относительно его датировки показалась ему слабо аргументированной, как и само использование упоминания Иванко Чудиновича в качестве датирующего признака⁹².

Поначалу исследователь решительно разорвал со всей предшествовавшей советской историографией, придя к выводу, что в «Устав» вошли лишь положения о «резах»⁹³. По его заключению, Мономахом «был отменён ненавистный “третний рез”, но тяжёлые формы ростовщичества оставлены»⁹⁴. Это позволило А.С. Королёву заметить, что «с Мономахом Свердлов особенно не церемонится, обвиняя его, также вполне традиционно, в “лихоимстве и ростовщичестве”»⁹⁵. Однако, в отличие от Смирнова, Свердлов не был настроен к Мономаху столь негативно и прямых обвинений в адрес Мономаха он не высказывал, признав, впрочем, справедливыми возражениями своего предшественника против противопоставления политики Святополка и Мономаха.

Ограничив содержание «Устава» Владимира Мономаха только постановлением о «третнем резе», несколько ниже Свердлов, однако, писал о «структурной», «терминологической» и «функциональной» близости уставов «о закупках»

⁹¹ Мининкова Л.В. Русь в раннее Средневековье // Современная историография истории России: учебное пособие для студентов и магистрантов высших учебных заведений. Ростов-на-Дону, 2009. С. 50, 54.

⁹² Как предполагал М.Б. Свердлов, указанный в составе «дружины» Владимира Мономаха, этот боярин «ранее входил в высшее административное управление или старшую дружину князя Олега, а ко времени совещания в Берестове отъехал к Владимиру». Участие же в совещании из князей одного Мономаха историк объяснил тем, что «именно его пригласили киевляне на великое княжение, и ему надо было решать вопросы, которые могли бы успокоить восставших. И если решение вопроса о третнем резе понятно в условиях борьбы киевлян после смерти Святополка, то постановка вопроса о процентах через 3 года после произошедших событий неясна». См.: Свердлов М.Б. От закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 133–134.

⁹³ Основанием для данного вывода послужило его наблюдение о том, что «ст. 50–53 ПП (Пространной Правды – А.И.) о процентах расчленили целостный комплекс норм о долговых операциях (с. 47–49 ПП)». См.: Свердлов М.Б. От закона Русского к Русской Правде. С. 135. Случилось это, как полагал Свердлов, по вине составителей Пространной Правды: «они собрали ранее существовавшие статьи о резах, включая практически отменённую статью 51 ПП статью 50 ПП, и составили свод, который завершил “Устав Володимерь Всеволодича”. Этот свод был ошибочно включён или ошибочно переставлен при переписке в процессе подготовки официального текста в середину группы статей о долге, что далее и повторилось во всех списках ПП». См.: там же. С. 135–136.

⁹⁴ Свердлов М.Б. От закона Русского к Русской Правде. С. 134. Такой же точки зрения придерживался А.Г. Кузьмин. См.: Кузьмин А.Г. Статья 1113 г. в «Истории Российской» В.Н. Татищева. С. 85. Правда, в одной из своих последних работ к законодательству Мономаха он отнёс не только «Устав о резах», но и статьи о закупках и холопах. См.: Кузьмин А.Г. Владимир Мономах // Великие государственные деятели России / Под ред. А.Ф. Киселёва. М., 1996. С. 45–47.

⁹⁵ Королёв А.С. Устав Владимира Мономаха в отечественной историографии. С. 486.

и «о холопах». «Это, – по его мнению, – свидетельствует о близости времени происхождения обоих Уставов, а именно в княжение Владимира Мономаха»⁹⁶. Да и составление Пространной Правды, как ему представляется, было возможно «лишь в период относительной социально-политической стабильности, относительного политического единства древнерусских земель. Таким периодом было киевское княжение Владимира Мономаха в 1113–1125 гг. и его сына Мстислава Великого в 1125–1132 гг.»⁹⁷.

В другой своей работе, вышедшей в 2003 г., более позднее в сравнении с «Уставом» Мономаха, составление князем «Устава о закупах», Свердлов связал с тем, что восстание 1113 г. в Киеве было городским, не охватывавшем сельскую округу. Однако правовое положение закупа «также нуждалось в урегулировании». Отсюда – продолжение законодательной деятельности Мономаха⁹⁸. Теперь исследователь характеризовал её как последовательно компромиссную и видел в ней стремление князя «сохранить мир и стабильность на Руси», снять «в разных социальных группах, эксплуатирующих и эксплуатируемых... остроту противоречий, регулируя общественные, правовые и имущественные отношения»⁹⁹.

Постаравшись ещё более уточнить время составления «Устава» Мономаха, оспорив предположение Тихомирова о том, что «Устав» мог быть дан до въезда князя в Киев, Свердлов привёл ряд аргументов в пользу его появления вскоре после вокняжения Владимира на киевском столе и прекращения восстания¹⁰⁰.

Такого же мнения на время составления «Устава» Владимира Мономаха придерживается и И.Я. Фроянов¹⁰¹. Но на этом сходство их со Свердловым взглядов и заканчивается. Признавая Мономаха князем, занявшим киевский стол «по воле народного веча», Фроянов считает «народным», если так можно выразиться, и сам характер законодательства этого князя¹⁰². Здесь исследователь решительно порывает с традициями советской историографии, считавшей, что меры, принятые Мономахом, не привели к облегчению положения угнетённых масс, или просто видевшей в Мономахе князя-ростовщика. По мнению Фроянова, «в конкретных исторических условиях, сложившихся в Киеве конца XI – начала XII столетий, и в обстановке социального движения 1113 г. нововведения Владимира Мономаха в большей мере отвечали интересам должников, нежели кредиторов, удовлетворяя требования рядовой массы киевлян, закабалённых и зака-

⁹⁶ Свердлов М.Б. От закона Русского к Русской Правде. С. 165.

⁹⁷ Там же. С. 166. О том, что Пространная Правда была составлена «в княжение Мономаха или Мстислава, что более вероятно» несколько ранее писал Рыбаков. См.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества... С. 466.

⁹⁸ Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси в VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 493–494.

⁹⁹ Там же. С. 523. Согласно с такой оценкой Свердловым законодательной политики Мономаха и авторы объемной рецензии на его монографию 2003 г. П.В. Лукин и П.С. Стефанович. См.: Лукин П.В., Стефанович П.С. Рецензия на книгу: Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси в VI – первой трети XIII в. СПб., 2003 // Средневековая Русь. Вып. 6 / Отв. ред. А.А. Горский. М., 2006. С. 392.

¹⁰⁰ Там же. С. 493. Заметим, что Иванко Чудиновича он теперь признал служилым человеком Олега Святославича, а не Владимира Мономаха.

¹⁰¹ Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 226–227.

¹⁰² К законодательству Мономаха Фроянов относил законы, регламентирующие ростовщичество, холопство и закупничество. См.: там же. С. 224.

бляемых резоицами». В целом, закон Мономаха о резах он характеризовал как «компромиссный, но с явной, причём существенной, уступкой должникам»¹⁰³. Закон о долговом рабстве (ст. 54–55 Пространной Правды) также, по мысли Фроянова, «являлся более, так сказать, сочувственным к должнику, чем к заимодавцу»¹⁰⁴. Стремление оградить бедноту от порабощения сквозит, по его наблюдению, и в относимых учёными к законотворчеству Мономаха «Уставе о закупах» и «Уставе о холопах» (ст. 56–66 и 110–121 Пространной Правды соответственно)¹⁰⁵.

Подобно М.Н. Покровскому, Фроянов усмотрел сходство в законодательстве Мономаха и Солона¹⁰⁶. Однако приводимые им «историческо-сравнительные параллели» более многочисленны. Тут – и царица Тамара, и «Ликург в Спарте, Зелевк в Локрах Эпизефирских (Южная Италия), Харонд в Катане (Сицилия), Драконт и Солон в Афинах, Питтак в Метелене на Лесбосе и др.»¹⁰⁷.

Близкого взгляда на законодательскую деятельность Владимира Мономаха придерживался и русский эмигрантский историк Г.В. Вернадский, труды которого стали у нас издаваться с середины 1990-х гг. Он, конечно, не сравнивал «Устав» Мономаха с законодательством Солона и других реформаторов древности, но, как и Фроянов, полагал, что Мономах действовал «в интересах низших классов»¹⁰⁸. Осуществлённое им изменение «законодательства относительно займов и наёмного труда», «вряд ли могли удовлетворить радикальное крыло оппозиции», пробудившейся после смерти Святополка, но «восстановить обще-

¹⁰³ Там же. С. 238; *Фроянов И.Я.* Древняя Русь XI–XIII веков. Народные движения. Князь и вечевая власть. М., 2014. С. 192.

¹⁰⁴ *Фроянов И.Я.* Древняя Русь... С. 239.

¹⁰⁵ Там же. С. 240, 243.

¹⁰⁶ Об этом сходстве он писал ещё в середине 1980-х гг. См.: *Курбатов Г.А., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я.* Заключение // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство / Под ред. Г.А. Курбатова, Э.Д. Фролова, И.Я. Фроянова. Л., 1986. С. 296; *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 266.

¹⁰⁷ *Фроянов И.Я.* Древняя Русь... С. 248. Позднее к этому списку Фроянов добавил древнеримских трибунов Лициния и Секстия. Общим в их всех законодательстве было, по его мнению, то, что все они «шли в одинаковом направлении..., взяв на себя роль социальных посредников и примирителей в смуте, избранных... для “форсированного упорядочения гражданских дел”». При всём этом их «законодательная политика являлась компромиссной». См.: *Фроянов И.Я.* Древняя Русь XI–XIII веков. Народные движения. Князь и вечевая власть. С. 204. Такая методика «сопоставления по подобию», встречающаяся и в более ранних работах Фроянова, была подвергнута критике М.Б. Свердловым. См.: *Свердлов М.Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII – XX вв. СПб., 1996. С. 296–297; *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь... С. 26–27. Полностью солидарны с Фрояновым в оценке законодательства Мономаха его ученики – Ю.В. Кривошеев и А.Ю. Дворниченко. См.: *Кривошеев Ю.В.* Пути и труды Владимира Мономаха. СПб., 1993. С. 42; *Дворниченко А.Ю.* Российская история с древнейших времён до падения самодержавия. Учебное пособие. М., 2010. С. 126; *Дворниченко А.Ю.* Россия. Загадка истории. М., 2015. С. 38.

¹⁰⁸ *Вернадский Г.В.* Киевская Русь. Тверь; М., 1996. С. 105. Как заметил А.Ю. Дворниченко, концепция И.Я. Фроянова в целом «очень близка» концепции Вернадского, причём «зачастую даже в деталях», хотя «есть и серьёзные различия». См.: *Дворниченко А.Ю.* Г.В. Вернадский – исследователь Киевской Руси // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях.* Альманах, вып. 5: К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Под ред. д.и.н., проф. А.В. Петрова. СПб., 2016. С. 80.

ственное доверие к княжеской власти» и «предотвратить социальную революцию» ему, по оценке Вернадского, удалось. При этом в поддержке Владимиром «низших классов» историк видел не только результат «его просвещенного государственного ума», но и свидетельство «его глубоко христианской души. Гражданское законодательство являлось для него продолжением христианского милосердия»¹⁰⁹. В качестве подтверждения этого он ссылаясь на наставления знаменитого «Поучения» Владимира Мономаха, которые, однако, на деле, как отмечалось выше, трудно связать с содержанием его «Устава», ибо сходство их – самое общее.

В современной отечественной историографии к законодательной реформе Владимира Мономаха обращался В.Я. Петрухин. Признавая её деянием после социального конфликта довольно традиционным, он подчеркивал, не только её ориентацию на древнерусские исторические реалии, но и размах, по которому «деяния Мономаха очевидным образом превышали тот реальный объем власти, которые он получил, сидя в Киеве». «Правовая реформа Мономаха, – пояснял Петрухин, – касалась не только киевского прецедента с “ростовщиками” – она относилась, по крайней мере, ко всей Русской земле в Среднем Поднепровье, а в дальнейшем – ко всей Русской земле в широком смысле»¹¹⁰. Помимо статей, регулировавших отношения между купцом-должником и займодавцем, с деятельностью Мономаха он довольно традиционно связывал также статьи 56–64, посвящённые правовому положению закупов, крестьян-смердов, получивших ссуду от феодала-землевладельца, условиям выплаты этой ссуды или окончательному закабалению закупа. При этом, как опять же довольно традиционно замечал исследователь, «не просто забота о смердах-землепашцах заставляла Мономаха ограничивать их гнёт: попавшие в зависимость от бояр смерды становились их холопами и уже не платили налогов в княжескую казну»¹¹¹.

¹⁰⁹ *Вернадский Г.В.* Киевская Русь. С. 105. Другой зарубежный историк русского происхождения – Д. Оболенский в оценке законодательной деятельности Мономаха был более осторожен. Главную цель законодательства Мономаха он видел в ограничении злоупотреблений, связанных с ростовщическими процентами и охране «интересов правящих сословий, которым угрожали следовавшие один за другим беспорядки». См.: *Оболенский Д.* Владимир Мономах // *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 474. В такой оценке можно заметить влияние на историка советской историографии. Ближе к позиции Вернадского мнение современного исследователя творчества митрополита Никифора С.М. Полянского, отмечавшего, что ограничив ростовщические «резы», Мономах действовал «в полном соответствии с программой из пастырского “Поучения Никифора в неделю Сыропустную”, в котором митрополит призывал к прощению долгов или хотя бы к отмене высоких процентов роста, если возможности простить задолженность не было. Так и Мономах, – обращал внимание далее исследователь, – «ликвидирует старые долги, запрещает месячный рез и строго ограничивает взимание третьего реза». См.: *Полянский С.М.* Никифор – выдающийся мыслитель Древней Руси С. 24. Такого же мнения придерживается В.В. Мильков, считающий возможным рассматривать «Устав» «в рамках провозглашённой в Поучении Мономаха программы добрых дел». Вслед за И.У. Будовницем, в законодательстве Мономаха он усмотрел «стремление власти к смягчению социальных противоречий и обеспечению общественного состояния». См.: *Мильков В.В.* Владимир Мономах и его Поучение. С. 344, 363.

¹¹⁰ *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 205.

¹¹¹ *Петрухин В.Я.* Древняя Русь. IX в. – 1263 г. М., 2005. С. 117–118.

По мнению современного биографа Владимира Мономаха – А.Ю. Карпова, заслуга этого князя как законодателя состояла в том, что определив максимум процентной ставки, он ограничил произвол кредиторов, и должник получил «возможность все-таки выплатить долг и тем самым избежать закабаления»¹¹². Помимо статьи 53 Пространной Правды к «Уставу» Мономаха он относил следующие за ней статьи 54–55, защищавшие «финансовые интересы купцов (“гостей”) – причём как русских, так и иноземных, что, несомненно, также должно было способствовать экономическому развитию Киева и других русских городов»¹¹³. Соглашаясь с тем, что законодательство Мономаха носило отчасти «декларативный характер», Карпов вместе с тем признавал, что предпринятые им меры «отвечали интересам подавляющего большинства населения тогдашней Руси»¹¹⁴.

Ещё более сдержанную оценку законодательная деятельность Владимира Мономаха получила в работе Д. Боровкова, предпринявшего, по его словам, попытку воссоздать «подлинный облик» князя. Вслед за большинством исследователей к «Уставу» Мономаха он отнёс статьи 53–66 Пространной Правды. Дав их общий обзор, он пришёл к выводу, что «законодательство Мономаха, ориентированное, по всей видимости, на удовлетворение интересов социального слоя, выступавшего инициатором киевских беспорядков 1113 г., вместе с тем имело достаточно умеренный характер, как и в тех пунктах, которые касались регулирования кредитной политики, так и в тех пунктах, которые касались обеспечения прав зависимого населения, поскольку и в том, и в другом случае речь шла по преимуществу о защите интересов строго определенных категорий»¹¹⁵.

Что касается датировки «Устава» Владимира Мономаха, то Боровков предложил «два альтернативных пути его формирования». «Если рассматривать статьи 53–66 как единый законодательный акт, то процесс его разработки, – писал он, – должен был быть достаточно длительным и локализоваться между 1113 и 1115 г. ...Если же учесть неоднородное его содержание, придётся допустить, что “Устав” представляет собой “пакет” отдельных законодательных актов, ввод в действие которых осуществлялся поэтапно»¹¹⁶. В любом случае, «Устав», согласно исследователю, не мог быть разработан до вокняжения Владимира Мономаха в Киеве.

Наконец, историографическое исследование законодательной деятельности Владимира Мономаха посвятил А.С. Королёв. В нём он дал обзор не только различным мнениям исследователей XIX–XX вв. по этому вопросу, но и рассмотрел интерпретации событий 1113 г., ей предшествующих¹¹⁷. В итоге он пришёл к выводу о том, что «все попытки установить принадлежность тех или иных статей Пространной Правды авторству Мономаха носят характер догадок..., по-

¹¹² Карпов А.Ю. Великий князь Владимир Мономах. М., 2015. С. 141.

¹¹³ Там же. С. 142.

¹¹⁴ Там же. С. 145–146. Для другого современного автора, активно пишущего в биографическом жанре – Д.М. Володихина Владимир Мономах – это, прежде всего, «восстановитель порядка». После его вокняжения в Киеве успокоение мятежного города, по мнению историка, произошло не само собой, а только тогда, когда «было принято решение: ограничить проценты (“резы”) по долгам, то есть ввести прибыль, получаемую ростовщиками, в разумные пределы». См.: Володихин Д.М. Рюриковичи. М., 2013. С. 63–64.

¹¹⁵ Боровков Д. Владимир Мономах, князь-мифотворец. М., 2015. С. 129–130.

¹¹⁶ Там же. С. 130–131.

¹¹⁷ Последние в его работе порой даже затмевают само законодательство Мономаха.

скольку вывести надёжный метод определения авторства той или иной статьи вряд ли возможно»¹¹⁸. Тем не менее, более убедительными ему показались построения тех авторов, которые ограничивали «Устав» Мономаха несколькими статьями Пространной Правды (ст. 53–55). Однако не исключил он и того, что «кроме Устава Мономах издал ещё какие-то постановления, вошедшие позднее в состав Пространной Правды». Но что именно и когда им было издано, Королёв определить затруднился¹¹⁹. Достаточно осторожно определил он и время составления «Устава» Владимира Мономаха, отнеся его «к отрезку времени от вступления Мономаха на киевский стол (когда новым киевским тысяцким стал Ратибор) до смерти Олега Святославича (представитель которого, Иванко Чудинович, участвовал в написании Устава)». Впрочем, «слишком отступать от триумфального въезда Мономаха в Киев», по мнению историка, не следует, ибо «произошедшие беспорядки требовали по возможности скорейшего появления популярных постановлений»¹²⁰.

Таким образом, законодательная деятельность Владимира Мономаха получила в русской общественно-исторической мысли достаточно разноречивую трактовку. Связано это, с одной стороны, с недостаточной прозрачностью самого текста «Устава», а с другой – с различиями в исповедуемых учёными философских или исторических концепциях, влиянием социокультурной среды. Зачастую оценка законотворчества Мономаха зависела от тех или иных симпатий исследователя, часто подавалась в контексте общей характеристики князя и потому находилась в прямой от неё зависимости.

Если же говорить о трудах современных историков, то следует признать, что сегодня уже нет такой жесткой увязки законодательства Мономаха с киевским мятежом 1113 г., а, следовательно, не подтверждается и его прямая им обусловленность. В целом же, интерес к законотворчеству Владимира Мономаха, как и к Русской Правде в целом в трудах современных историков заметно ослабел. Оно рассматривается лишь попутно, отсутствуют самостоятельные и глубокие исследования, ему посвящённые. Обусловлено это, очевидно, не только выдвижением в последние десятилетия на первый план политической и культурной проблематики в ущерб социально-экономической, но и весьма обстоятельным анализом многих проблем, связанных с древнерусским законодательством в предшествующей историографии. Последнее обстоятельство создаёт иллюзию изученности «Устава» Мономаха. Однако, это, как мы имели возможность убедиться, на самом деле далеко не так¹²¹. Перспективы изучения законодательной деятельности Владимира Мономаха связаны, очевидно, с творческим переосмыслением выводов предшественников и с комплексным изучением этих вопросов в контексте истории политической жизни страны и её культуры.

¹¹⁸ Королёв А.С. Устав Владимира Мономаха в отечественной историографии. С. 480.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. С. 480–481.

¹²¹ Если, конечно, под изученностью понимать не количество вложенного труда, а несомненные и недвусмысленные результаты, прочное установление главных моментов истории памятника.

Источники и литература

1. *Алексеев Ю.Г.* Рец. на: Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999 // ВИ. 2001. № 8. С. 153–156.
2. *Боровков Д.* Владимир Мономах, князь-мифотворец. М.: Ломоносовъ, 2015. 240 с.
3. *Будовниц И.У.* «Изборник» Святослава и «Поучение» Владимира Мономаха // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 10. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 44–75.
4. *Будовниц И.У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 490 с.
5. *Валк С.Н.* Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII – начала XIX века // *Он же.* Избранные труды по историографии и источниковедению. Научное наследие. СПб.: Наука, 2000. С. 189–250.
6. *Валк С.Н.* Русская Правда в изданиях и изучениях 20–40-х гг. XIX века // *Он же.* Избранные труды по историографии и источниковедению. Научное наследие. СПб.: Наука, 2000. С. 251–338.
7. *Вернадский Г.В.* Киевская Русь. Пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой. Под ред. Николаева Б.А. Тверь: Леан; М.: АГРАФ, 1996. 448 с.
8. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1995. 338 с.
9. *Володихин Д.М.* Рюриковичи. М.: Мол. гвардия, 2013. 484 с.
10. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1949. 510 с.
11. *Греков Б.Д.* Краткий очерк истории русского крестьянства. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. 230 с.
12. *Греков Б.Д.* Феодалные отношения в Киевском государстве. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 191 с.
13. *Грушевский М.С.* Очерки истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891 (репр.: Грушевський М.С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV ст. Київ: Наукова думка, 1991. 520 с.).
14. *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. II. XI–XIII віки. Львів, 1898. 634 с.
15. *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. III. До року 1340. Львів, 1905. 588 с.
16. *Дворниченко А.Ю.* Г.В. Вернадский – исследователь Киевской Руси // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 5: К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Под ред. д.и.н., проф. А.В. Петрова. СПб., 2016. С. 56–81.
17. *Дворниченко А.Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: Евразия; М.: ИД Клио, 2014. 460 с.
18. *Дворниченко А.Ю.* Российская история с древнейших времён до падения самодержавия. Учебное пособие. М.: Весь мир, 2010. 944 с.
19. *Дворниченко А.Ю.* Россия. Загадка истории. М.: Весь мир, 2015. 240 с.
20. *Зимин А.А.* Правда Русская. М.: Древлехранилище, 1999. 424 с.
21. *Зимин А.А.* Холопы на Руси (с древнейших времён до конца XV в.). М.: Наука, 1973. 342 с.
22. История России. В 2 т. Т. 1. С древнейших времён до конца XVIII в. / А.Н. Сахаров, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин и др.; под ред. А.Н. Сахарова. М.: АСТ: Астрель, Транзиткнига, 2006. 943 с.
23. История русской литературы. Том I. Литература XI – начала XIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 404 с.

24. *Ищенко А.С.* Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов-на-Дону: Антей, 2014. 276 с.
25. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. II. Изд. 2-е, исправ. СПб., 1818. 261 с.
26. *Карпов А.Ю.* Великий князь Владимир Мономах. М.: Мол. гвардия, 2015. 386 с.
27. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. В 3-х кн. Кн. 1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 608 с.
28. *Королёв А.С.* Устав Владимира Мономаха в отечественной историографии XIX–XX вв. // Творения митрополита Никифора / изд. подг. С.М. Полянским; отв. ред. М.Н. Громов, С.М. Полянский. М.: Наука, 2006. С. 453–487.
29. *Костомаров Н.И.* Князь Владимир Мономах // *Он же.* Русская история в жизне-описаниях её главнейших деятелей. Кн. I. Вып. 1, 2 и 3. М.: Книга, 1990. С. 39–70.
30. *Кривошеев Ю.В.* Пути и труды Владимира Мономаха. СПб., 1993. 64 с.
31. *Кузьмин А.Г.* Владимир Мономах // Великие государственные деятели России / Под ред. А.Ф. Киселёва. М.: Гуманит. изд. центр Владос, 1996. С. 40 – 53.
32. *Кузьмин А.Г.* Статья 1113 г. в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вестник МГУ. Серия История. 1972. № 5. С. 79–89.
33. *Ланге Н.И.* Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1860. 290 с.
34. *Лаврентьевская летопись* // ПСРЛ. Т.1 М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 379 с.
35. *Линниченко И.* Вече в Киевской Области. Киев, 1881. 72 с.
36. *Лукин П.В., Стефанович П.С.* Рецензия на книгу: Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси в VI – первой трети XIII в. СПб., 2003 // Средневековая Русь. Вып. 6 / Отв. ред. А.А. Горский. М.: Индрик, 2006. С. 371–402.
37. *Мавродин В.В.* Народные восстания в древней Руси. XI–XIII вв. М.: Соцэкгиз, 1961. 118 с.
38. *Мавродин В.В.* Очерки истории левобережной Украины (с древнейших времён до половины XIV века). СПб.: Наука, 2002. 417 с.
39. *Мерило Праведное* по рукописи XIV века. Под наблюдением и со вступит. статьёй академика М.Н. Тихомирова. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 698 с.
40. *Милов Л.В.* О происхождении Пространной Русской Правды // Вестник МГУ. Серия История. 1989. № 1. С. 3–28.
41. *Мильков В.В.* Владимир Мономах и его Поучение // Творения митрополита Никифора / изд. подг. С.М. Полянским; отв. ред. М.Н. Громов, С.М. Полянский. М.: Наука, 2006. С. 340–365.
42. *Мининова Л.В.* Русь в раннее Средневековье // Современная историография истории России: учебное пособие для студентов и магистрантов высших учебных заведений. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ 2009. С. 4–55.
43. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов* / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 564 с.
44. *Оболенский Д.Д.* Владимир Мономах // *Он же.* Византийское содружество наций: Шесть византийских портретов. М.: Янус-К, 1998. С. 461–485.
45. *Орлов А.С.* Владимир Мономах. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 191 с.
46. *Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XII вв.* Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 984 с.
47. *Памятники русского права.* Вып. 1. Памятники права Киевского государства X – XII вв. Сост. А.А. Зимин. М.: Госюридиздат, 1952. 287 с.
48. *Панеях В.М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. 446 с.
49. *Петрухин В.Я.* Древняя Русь. IX в. – 1263 г. М.: АСТ; Астрель, 2005. 190 с.

Законодательная деятельность Владимира Мономаха

50. *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 13–412.
51. *Петрухин В.Я.* Киевское восстание 1113 г. и еврейский погром (в интерпретации В.Н. Татищева) // *Славяноведение*. 2013. № 2. С. 3–11.
52. *Пешич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. 346 с.
53. *Погодин М.П.* Древняя Русская история, до монгольского ига. Т. I. М., 1871. 667 с.
54. *Покровский М.Н.* Избранные произведения в четырёх книгах. Книга 1. Русская история с древнейших времён (тома I и II). М.: Мысль, 1966. 726 с.
55. *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М.: Партийное издательство, 1933. 544 с.
56. *Полянский С.М.* Никифор – выдающийся мыслитель Древней Руси // Творения митрополита Никифора / изд. подг. С.М. Полянским; отв. ред. М.Н. Громов, С.М. Полянский. М.: Наука, 2006. С. 5–86.
57. Послание Владимиру Мономаху о посте и воздержании чувств // Творения митрополита Никифора / изд. подг. С.М. Полянским; отв. ред. М.Н. Громов, С.М. Полянский. М.: Наука, 2006. С. 96–112.
58. Правда Русская или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. Изданы любителями отечественной истории. [СПб.], 1792. 138 с.
59. Правда Русская. Учебное пособие / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 113 с.
60. Правда Русская / Под общей редакцией Б.Д. Грекова. Т. 1: Тексты. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 505 с.
61. *Пресняков А.Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 435 с.
62. Продолжение Древней Российской Вивлиофики. Ч. III. СПб., 1788. 283 с.
63. *Романов Б.А.* Люди и нравы древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. 241 с.
64. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.
65. *Сахаров А.Н.* Владимир Мономах // Каргалов В.В., Сахаров А.Н. Полководцы Древней Руси. М.: Мол. гвардия, 1985. С. 199–574.
66. *Свердлов М.Б.* Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб.: Европейский дом, 2009. 344 с.
67. *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси в VI – первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.
68. *Свердлов М.Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII – XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 331 с.
69. *Свердлов М.Б.* От Закона Русского к Русской Правде. М.: Юрид. лит., 1988. 176 с.
70. *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права / Под ред., с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 488 с.
71. *Смирнов И.И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 366 с.
72. *Соловьёв С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. I. Т. 1–2. История России с древнейших времён / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1988. 797 с.
73. *Соловьёв С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. II. Т. 3–4. История России с древнейших времён / Отв. ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1988. 765 с.
74. Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство. Под ред. Г.А. Курбатова, Э.Д. Фролова, И.Я. Фроянова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 335 с.
75. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 500 с.
76. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 352 с.

77. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. Т. XV. М.: Языки русской культуры, 2000. 504 стб.
78. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.: гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. 475 с.
79. Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М.: Наука, 1975. 432 с.
80. Тихомиров М.Н. Исследование о русской правде. Происхождение текстов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 263 с.
81. Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М.: Политиздат, 1955. 280 с.
82. Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005. 544 с.
83. Толочко А.П. Краткая редакция Правды русской: происхождение текста. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. 136 с. (Ruthenica. Supplementum 1).
84. Толочко П.П. Власть в Древней Руси. СПб.: Алетейя, 2011. 202 с.
85. Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев: Наукова думка, 1987. 247 с.
86. Фроянов И.Я. Древняя Русь XI–XIII веков. Народные движения. Князь и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2014. 1088 с.
87. Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. М.; СПб.: Златоуст, 1995. 703 с.
88. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 269 с.
89. Хлебников Н.И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. 512 с.
90. Цыб С. Когда Владимир Мономах стал киевским князем? // Ruthenica. Альманах середньовічної історії та археології Східної Європи. Том IX. Київ: Інститут історії України НАН України, 2010. С. 23–36.
91. Чекин Л.С. К анализу упоминаний о евреях в древнерусской литературе XI–XIII вв. // Славяноведение. 1994. № 3. С. 34–42.
92. Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А.П. [и др.] Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. 476 с.
93. Чичуров И.С. Политическая идеология Средневековья (Византия и Русь). М.: Наука, 1991. 176 с.
94. Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времён до 1917 г. Учебное пособие. М.: Изд-во «Культура», 1993. 761 с.
95. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: Новое литературное образование, 2007. 592 с.
96. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: гос. изд-во юридической лит-ры, 1949. 543 с.
97. Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, её значение / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2010. 328 с.